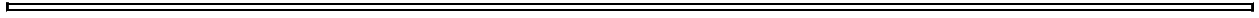

- [Автор неизвестен](#)

-

Автор неизвестен

Сэр Гавейн и зелёный рыцарь

перевод Светланы Лихачёвой

Часть I

I

Как только силы осады иссякли у Трои,
И рухнула крепость, став прахом и пеплом,
Предатель, содейвший дело измены,
Сознался в вине, дознанью подвергнут;
То был знатный Эней, чья родня славная
Покорила со временем края, богатства
Присвоив заветные Островов Запада.
Грозный Ромул к Риму направил стопы;
Воздвиг сперва он расцвеченный город,
И нарек тот град своим громким именем.
Тирий стены поставил в Тоскании,
Лангобард в Ломбардии обители выстроил;
За морями Франции Брут Феликс
На привольных высях явил Британию на свет,
Где гибель, глад и горе
Оставили свой след,
Где смех с бедою споря,
Сменялись с давних лет.

II

Когда же славный сей лорд возвеличил Британию,
Отважные воины, войнам рады,
Игре бранной не раз предавались.

Больше дивных чудес видал сей край,
Чем все прочие земли издревле и ныне.
Но из всех прославленных королей Британии
Артур учтивейшим почитался, я слышал.
О приключении чудном хочу я поведать,
Что зрелищем редкостным народ почитает:
Див подобных не знали во владеньях Артуровых.
Коль склоните слух вы к сему лэ ненадолго,
Я слово молвлю, как слышать довелось мне в городе,
Тотчас.
Как ткали встарь, скрепляя
Сей доблестный рассказ,
Прилежно повторяя
Канву сплетённых фраз.

III

В Камелоте король справлял Рождество
С достославными лордами, лучшими из мужей
Средь Братства Рыцарей Круглого Стола,
За пиршеством пышным, в беспечной радости.
Много раз на турнире столкнулись конники;
Благородные рыцари ревностно бились,
Затем ко двору собирались на игру и песни.
На пятнадцать дней затянулся пир:
И стол, и утехы - всего достало на славу.
Было любо слышать увеселений гул,
Толкотня и шум — днём, ночью же — танцы.
Радость царила при дворе и в покоях
Средь лордов и леди, что любят празднества.
Так собрались рядом в отраде и мире
Достойные таны, Христа паладины,
И леди — прелестней земля не видала,
И тот, кто правил двором, король учтивейший,
И вольные воины в расцвете сил
Вся знать.
Король, владыка славный,

И двор — ему под стать.
Вовек не знала равной
Столь доблестная рать.

IV

Пока же Новому году и дня не исполнилось,
Подавали вдвое невиданных яств,
Когда король и рыцари собрались в зале,
И псалмы мессы умолкли в часовне.
Служки и прочий люд великим криком
Ноэль снова и снова поминали, славя.
Тут до раздачи подарков дело дошло;
Из рук в руки дары вручались;
Знать препиралась игриво, награды деля:
Неудачам дамы долго смеялись;
Тот же, кто выиграл, верно, не видел в том горя.
Так веселился люд, пока столы не накрыли.
Умывшись же, к скамьям устремился всяк:
Тех, кто доблестней, усадили, как должно, выше.
Королеву Гвиневу возвели в центр помоста,
Что нарядной роскошью радовал глаз;
Шелка шелестели под тканым пологом:
Ткани тулузские лучшие, гобелены из Тарса,
Отделаны доверху чудеснейшими из камней,
Что оценить дано в монете звонкой
Подчас.
К ним обращала дама
Взор ясных серых глаз.
Её прекрасной самой
Всяк счёл бы без прикрас.

V

Сам Артур есть не стал, пока не достало всем:

В силу юных лет веселился он, словно дитя;
Вольно жить он привык, не видел радости
В том, чтобы долго сидеть либо долго лежать.
К тому побуждал молодой задор и дерзкий ум.
Но и другой обычай был тут причиной:
В благородстве души изрёк он, что не тронет снеди
На пиру радостном, покуда редким рассказом,
Либо басней затейливой не позабавят его:
О диве давнем, правдиво поведанном,
О героях древности, о ратных забавах;
Или покуда не бросит рыцарям чужестранец вызова
Сойтись на ристалище, поставить на кон
Жизнь за жизнь, угрожая друг другу,
Щадя один другого, как уж удача рассудит.
Вот так постановил правитель волей державной,
На пиры собирая благородных гостей
В свой град.
Отвагой благородной
Его сверкает взгляд.
Под праздник новогодний
И весел он, и рад.

VI

Так, стоя перед гостями, стойкий король
Вел речи приветные, как велено учтивостью.
Гавейн верный усажен был возле Гвиневры,
Агравейн Тяжелая Длань — по другую сторону;
Оба — сыны сестры короля и славные рыцари.
Епископ Болдуин — на первом месте,
Ивейн, сын Уриена уселся подле него.
Всем им отвели лучшие столы на помосте,
И без числа славных лордов — слева и справа.
Вот подали первое блюдо под пение труб,
Разубранных знатно узорными флагами;
Барабанного боя бодрые ноты
И переливы волынок сплелись в мелодию дивную,

Так что, внимая музыке, истомились сердца.
Меж тем разносили снедь, разносолы изысканные,
До излишества лакомств на блюдах бессчетных,
Так что не тотчас отыщешь пустое место,
Дабы поставить супницы перед гостями на столе
Там и тут.
Остался всяк доволен:
Всем парам подают
Вина и пива вволю,
И по двенадцать блюд.

VII

Ни слова об услужении не скажу более:
Ибо вам видно: ни в чём там не ведали недостатка.
Вдруг ворвался под своды звон и шум неожиданный,
Так что смог, наконец, король к трапезе приступить.
Ибо едва музыка умолкла на время,
И первое блюдо, внесли, как должно,
Грозный гость шагнул в двери,
Великана такого не сыскать в мире.
От плеч до пояса столь плотен и крепок,
Столь огромны и могучи голени и бёдра,
Что вполовину ётуна, уж верно, будет,
Но на смертного смахивал боле, смело скажу,
И сложен славно при великом-то росте:
Ибо хоть в груди и в спине раздался вширь,
Но в торсе и в талии тонок, как подобает,
И все черты повторяли очертания фигуры
И тон.
Его оттенку кожи
Дивился люд, смущён.
С народом эльфов схожий,
Был ярко-зелен он.

VIII

Были и пришлец, и платье зелёного цвета:
Бока окутал котт прямого покроя;
Нарядный плащ — поверх, изнутри подбитый
Мехом отменной выделки, приметным для взора;
Опушён горностаем и капюшон также,
Что лёг на плечи, локонов не касаясь;
Чулки обтягивающие, тона сходного,
Облегали голени, богатые шпоры
Золотом сияли над изысками узорных полос,
Хотя в стремянах ноги лишены обуви.
Весь наряд и впрямь был окраса зелёного:
На поясе полосы, и пёстрые самоцветы,
Что лучились на облачение бессчетными искрами,
И на шелке шитом, и на пришельце, и сбруе,
Так что не вот тебе назовешь и половину безделок,
Тканых искусно по ткани — и мотыльков, и птиц
В переливах зелёных линий, с позолотой поверху.
Подвески на поперсье и пышном подхвостнике,
Заклёпки на удилах залиты зелёной эмалью,
И стремяна для ног — нужного цвета,
И крыло седла, и луки также.
Везде блитали и светились кристаллы зелёные;
Даже скакун под конником — колера сходного
Вполне.
Бьют искры от копыт,
Узоры на ремне.
Не всякий усидит
На буйном скакуне!

IX

Хорош был сей чужестранец в наряде зелёном.
Кудри кольцами — конской гриве под стать:
Пряди пышные падали до плеч самых,

Борода долгая до груди кустилась,
Что, как и волосы выющиеся, главы убранство,
На линии локтя была подстрижена,
Так что руки до середины терялись в ней,
Словно под княжым кападосом, что смыкался вокруг шеи.
Грива грозного скакуна гребнем умело
Разделена волос к волосу, заплетена прихотливо,
Перевита вязью червонного золота:
На каждую прядь гривы — по шнуру золочёному.
Чёлка и хвост — ни в чём не уступят,
Зелёной лентой ловко скреплённые в пук,
По всей длине унизанной ценнейшими самоцветами,
И сверху туго стянуты в узел плетёным ремнём,
На коем бренчали бубенчики чистого злата.
Чужака подобного, и рысака под стать ему,
Вовеки не видывали воочью в том зале
Старожилы.
Взгляд молнии метал
Знать после говорила.
Никто б не устоял
Перед подобной силой.

X

Однако ни шлема не нашлось при нём, ни лат нагрудных,
Ни кольчуги, ни мелочей, причастных к доспехам;
Ни копья, ни щита, дабы напасть и сразить.
Но в одной руке вёз он ветвь остролиста,
Чьи буйны побеги, когда убор рош опал;
А в другой руке — секиру великанских размеров.
Боевой топор сей словами обрисовать непросто:
Обух длины великой — в локоть, не иначе;
Железко зелёной стали и злата чеканного,
С широким краем наострённое лезвие
Взрезать и разить пригодно, словно резак заточенный;
Ладонь удерживает надёжную рукоять,
Железом окованную вплоть до конца,

Что гравировкой нарядной изукрашена щедро;
Ремень приметный окаймил топорище
И вился вокруг деревянной ручки, привязан к обуху,
С кистями затейливыми, стянутыми во множестве
В розетки яркой зелени с узорной отделкой.
Вот такой рыцарь браво на порог ступил
И прошествовал к возвышению, не страшась нимало,
Но воинов не приветил, поверх голов глядя.
Вот слова первые, что он вымолвил: «Увидеть где бы
Предводителя сей орды? Поглядел на него бы
Я с радостью, и в речи открылся б ему
Отчасти».
Строй рыцарей чужак
Оглядывал с пристрастьем,
Высматривая знак
Неоспоримой власти.

XI

Долго глядели все на дивного гостя
Ибо всяк стремился уразуметь смысл того,
Что скакун и конник — колера странного,
Зелёные, словно лист — зело зеленей,
Чем зелень эмали на золоте в узоре ярком.
Засмотревшись на рыцаря, все подобрались ближе,
Думая да гадая, что содеет чужак.
Много чудес видали там, но никогда — таких,
Засим люди сочли его иллюзией фаэри,
Так что мало кто осмелился молвить слово в ответ:
Голоса звук приковал всех недвижно к месту
В мёртвом молчании под немymi сводами,
И голоса иссякли, словно сон окутал зал
Покровом.
Не только страх — причина
Молчания такого.
По чести — властелину
Пристало молвить слово.

XII

Оглядел Артур с возвышения столь дивного гостя,
И приветил вежливо, ибо не ведал страха.
И рек: «Благородный сэръ, добро пожаловать к нам.
Я, глава под здешними сводами, зовусь Артуром.
Добр будь, сойди с коня, и садись промеж нас.
А о деле задуманном дашь знать позже».
«Нет, Всевышний мне в помощь, — отвечивал гость,
В сём доме задерживаться я не думал отнюдь.
Но слава твоя, лорд, вознеслась до небес,
Град твой и рыцари благороднейшими почитаются,
Лучшими из конников, закованных в латы,
Наипервейшими воинами подзвёздного мира
И достойными противниками в потехе ратной;
Здесь и куртуазия в ходу, как рассказала молва.
Это и привело меня в Камелот на сей раз.
Уверен будь: ветвь, что привёз я с собой,
Мира примета, ибо не мыслю зла.
Кабы собирался я ратиться на бранном поле,
И шелом, и латы нашлись бы дома,
И копьё острое, и яркий щит под стать,
Да и с прочим оружием я равно знаком.
Но не воевать я явился, как видно по платью.
Коли ты и вправду храбр, как народ твердит,
Даруй мне право сыграть в игру задуманную,
Без заминки».
Артур же без запинки
Рёк рыцарю в ответ:
«Коль ищешь поединка,
Тебе отказа нет».

XIII

«Нет, биться не буду я, забудьте о том:
Вкруг себя усмотрел я лишь безбородых младенцев.
Явись я в воинских латах, да на боевом коне,
Со мной померяться мощью не смог бы никто здесь.
Засим при дворе я испрашиваю игру рождественскую:
Ведь нынче святки, и Новый Год, и весело отрокам.
Если кто в сих чертогах стойким почитает себя,
У кого горячая кровь, либо нрав необуздан,
Так что дерзкий ударом за удар воздать готов,
Я подарю ему с радостью сей редкий гвизарм,
Сей увесистый боевой топор в вечное пользование.
И пусть рубит первым, я ж безоружным останусь.
Коли отважный воин мой вызов примет,
Да поторопится он оружие забрать у меня!
Я ж отрекусь от секиры, — пускай ею владеет,
И удар его выдержу доблестно, не сходя с места,
Ежели мне дозволишь отвесить ответный удар ему
В свой черёд.
При этом дам герою
Отсрочку — день и год.
На игрище такое
Кто выступить дерзнёт?»

XIV

Коли сперва удивил он всех, тут уж вовсе застыли
Все домочадцы в молчании — и челядь, и знать.
Верховой воин загарцевал в седле,
Свирепо красным глазом вокруг повёл,
Свел ворс бровей, отливающих зеленью,
Бородой тряхнул, ожидая должного отклика.
Не видя ответчика, гость звучно откашлялся,
С важностью выпрямился, и высказал вот что:
«То Артуровы ли чертоги, — тан промолвил,
Чья слава разнеслась по далеким странам?
Где же теперь ваша гордость и гонор победный?
Где свирепость, и прыть, и речи хвастливые?

И увеселения, и славу Стола Круглого
Сводят на нет слова безвестного гостя,
Так что перетрусили вы раньше, чем обрушен удар!»
Тут захохотал он столь звучно, что вознегодовал лорд:
Кровь прилила к челу его, и запылали щёки
Огнём.
Все омрачились лики;
В молчанье гробовом
Могуч и смел, владыка
Встал рядом с чужаком.

XV

И рёк: «Клянусь Небом, неумна твоя просьба.
И коли нелепо желание, так по заслугам и обретешь.
Никому из рыцарей не страшно от речи заносчивой.
Давай же мне боевой топор, волею Господа,
И я не замедлю с милостью, в коей имеешь ты надобность».
Тут он подступил к нему без опаски, и за топор взялся,
А рыцарь резво спрыгнул с седла.
И вот секира у Артура, в руке её сжав,
Он потрясает немилосердно ею, словно в сече бранной.
Статный тан перед ним встал в полный рост,
Выше прочих воинов на главу и больше того;
С горделивой солидностью огладил бороду,
Скинул наземь котт, не опуская взгляда,
Не больше тревоги выказал в преддверии удара,
Как если бы от стола лорды поднесли вина ему
С почтеньем.
Гавейн от возвышенья
Нагнулся к королю:
«Честь этого сраженья
Мне уступить молю».

XVI

«Изволь, о правитель достойный, — рек Гавейн королю, —
Вели мне встать от стола и ближе шагнуть,
Чтобы, противу вежества не греша, я прервал трапезу.
Коли державной госпоже моей угожу тем самым,
Я бы с советом выступил перед свитой знатной.
Ибо не дело это, думаю, и не должно быть тому,
Коли уж просьба столь редкостная при дворе прозвучала,
Чтобы ты сам снисходил до дерзкого вызова,
Когда бравых рыцарей вокруг не счесть;
Думаю, доблестней не найдется на свете,
Нет храбрее и крепче ратников на бранном поле.
Я ж, не обессудьте, и силой, и рассудком не вышел;
Гибель такого — не горе, не солгав, скажу.
Лишь за то, что ты — дядя мой, воздают мне почести,
Твоя кровь в моей плоти — иных заслуг не ведаю.
И раз затея столь пустая недостойна владыки,
А я раньше прочих заговорил — даруй поединок мне.
А коли неумело молвил, да не посмеют двор за то
Осуждать».

Тут зашептались в зале,
И порешила знать:
Топор зелёной стали
Гавейну передать.

XVII

Тут его величество повелел ему без промедления встать,
И тот вскочил сейчас же, и чинно приблизился,
Пред королём на колени встал, и залог боя принял.
А тот передал его с радушием, и, воздевши руку
В благословении Божьем, приветливо наказал,
Чтобы укрепились силою и сердце, и длань.
«Осторожно, родич, — король рек, — отмеряй один удар,
И коли воздашь гостю, как должно, думаю я,
Ты выдержишь выпад, коим ответит он позже».
И вот Гавейн вышел к воину, с боевым топором,
А тот доблестно ждёт его, малодушия не выказывая.

Тут объявил сэру Гавейну вождь в зелёном:
«Повторим-ка договорённость нашу, к игре приступая.
Сперва, изволь, воин, назови своё имя,
Не запираясь, по правде, чтоб доверять тебе мог я».
«По чести, — рек зачинщик, — величаюсь Гавейном,
Я, что нападуду на тебя с ударом, чем бы уж дело не кончилось,
И чрез двенадцать месяцев приму без подмоги, один,
В свой черёд расправу, от оружия не уклоняясь
Никакого».
Гость отвечал ему:
«Гавейн, даю в том слово:
Я твой удар приму
Охотней, чем другого».

XVIII

«Право же, — рек зелёный рыцарь, — радуюсь я, сэр Гавейн,
Что от твоей руки искомое мне взыскать предстоит,
И что ты повторил добром, в речи истинной,
Условия дословно, о коих я короля просил.
Ныне ж следует тебе, лорд, поклясться честью,
В том, что сыщешь меня сам, повсюду проехав
В земле далёкой и близкой, и уплату примешь
За то, чем оделишь меня сей же день на виду у всего двора».
«Где же увижусь с тобой, — рек Гавейн, — где вотчина у тебя?
Не ведаю, где живёшь ты, Всевышним клянусь!
Загадка для меня, гость, и герб твой, и имя.
Но вразуми меня напрямую, и молви, как прозываешься,
И я берусь разум напрячь, чтоб дорогу сыскать к тебе.
В том клянусь Небом и вменяю в долг себе!»
«Иного не надобно; для Нового года довольно! —
Рек Гавейну родовитому воин в зелёном. —
Коли правду открою я, когда обрушится лезвие,
А ты опустишь топор, — коли успею сказать
Про вотчину мою и двор, и о прозвании собственном,
Тогда дашь труд повидать меня и сдержишь клятву.
А коли не откликнусь ни словом, — так лучше тебе же:

Покидать тебе не придётся здешних угодьев
И уезжать!
Возьми ж топор добротный,
И к делу — полно ждать!»
Гавейн сказал: «Охотно!»,
Погладив рукоять.

XIX

Тут рыцарь зелёный бестрепетно к игре изготовился:
Освободил долю шеи, чуть подавшись вперёд;
Длинные, великолепные локоны пригладил на темени,
Обнажая услужливо жилистую шею.
Гавейн боевой топор над головой занёс,
Левую ногу на полу выставляя вперёд,
И храбро обрушил оружие с высоты,
Так, что лезвие с легкостью рассекло кости,
И ушло в плоть, разделив ее надвое;
Затем блестящая сталь вкогтилась в землю,
А благовидная голова низверглась наземь:
Многие не преминули пнуть её, дотянувшись ногой.
Кровь из раны брызнула, горя на зелени,
Но не дрогнул и не рухнул бравый воитель,
А проворно вышел вперёд на твёрдых ногах,
Свирепо ринулся к рыцарям, что в ряд выстроились,
Сгреб пригожую голову, и гордо потряс ею,
Затем поравнялся с конём, рванул за узду,
Опираясь о стремя, вспрыгнул в седло,
Вместе с головою, за волосы схваченной твёрдо;
И столь невозмутимо тан застыл в седле,
Словно несчастья не случилось с ним, хотя исчезла глава
С плеч.
С уродливого тела
Кровь продолжала течь.
Не все сумели смело
Его дослушать речь!

XX

Ибо вверх он вытянул главу на ладони,
К прелестнейшей леди ликом повернул её,
И отверзлись веки, и воззрились очи,
А рот изрек громко то, что пора услышать и вам:
«Ну, Гавейн, изволь же выехать, как обещался,
И, пока не сыщешь, усердно, сэр, искать меня,
Как поручился ты честью пред честными рыцарями!
К Зелёной Часовне, велю, следуй без колебаний:
Там за удар доблестный воздастся с лихвой
Гостю без отлагательств новогодним утром.
Как Рыцарь Зелёной Часовни, я в округе известен:
Коли спрос не сочтешь в тягость, так отыщешь, верно.
Так что в дорогу — или трусом по праву зваться тебе!»
Тут он за узду дёрнул задорным рывком
И проворно к выходу выехал с головою в руке.
Огни над камнями взметнули скакуна копыта,
И в какие дали подался гость, не догадался никто,
Равно как и не ведали, откуда явился он.
Что дале?
Гавейн с Артуром хором
Над ним захохотали;
Но ясно было: взорам
Явилось чудо в зале.

XXI

Хотя владыка диву дался в душе,
Он виду не выказал, но объявил громко
Королеве прелестной слово учтивое:
«Леди возлюбленная, не след страшиться:
Рождеству пристали затеи такие:
Дивные действия да задорный смех
Красят отрадные празднества рыцарства славного.
Однако ж к трапезе вправе я притронуться ныне,

Ибо чудо явилось очам моим, не хочу отрицать».
Тут на Гавейна он воззрился и вежливо молвил:
«Сэр, повесьте секиру, довольно рубиться ей!»
Тут укрепили топор над пологом шитым,
Дабы, на залог глядя, изумлялись гости,
И всем поведали, как водится, о невиданном чуде.
Затем к столу подошли эти лорды вместе:
Король с бравым родичем; храбрые воины
Их лучшими лакомствами оделили вдвойне,
Снеди вдосталь досталось им, а также и песен.
В радости время текло, пока мрак не сгустился
В тех краях.
Гавейн, гони сомненья:
Да не удержит страх
Тебя от приключенья,
Принятого в сердцах.